

Литература

1. Антосик Л. В. Информация как ресурс и источник конкурентного преимущества / Л. В. Антосик // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2005. — Вып. 4. — Ч. 2. — С. 28–32.
2. Загидуллина М. В. Информационная потребность как теоретическая проблема / М. В. Загидуллина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2012. — Т. 3. — № 10. — С. 194–200.
3. Золотова Е. С. Репрезентация биконцептуальных единств в естественной письменной речи предпринимателей / Е. С. Золотова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 4 (295). Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 75. — С. 32–35.

УДК 070.11

DOI: 10.17223/23062096/4/40

А. Ю. Исмаилов

Южно-Уральский государственный университет

МАРКИРОВАНИЕ ЭТИКИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В МЕДИАЭТИЧЕСКОМ СТАНДАРТЕ — 2015

Этические принципы журналистики сфокусированы в профессиональном стандарте и формализованы в профессиональных кодексах, хартиях, декларациях и в прочих ненормативных документах. В статье рассматривается проект Медиаэтического стандарта—2015 российской Общественной коллегии по жалобам на прессу. Затрагиваются структура и система координат документа. С позиции ситуативной этики анализируются его отдельные положения.

Ключевые слова: журналистика, профессиональная этика журналиста, Общественная коллегия по жалобам на прессу, медиаэтический стандарт, ситуативная этика.

Ethical principles of journalism focused in professional standards and formalized in professional codes, charters, declarations and other non-regulatory documents. The article discusses the project Mediaethical standard 2015 all — Russian Public Collegium for press complaints. Affected structure and coordinate system of the document. From the position of situational ethics and analyzes its individual provisions.

Keywords: journalism, professional ethics of journalist, the Public Collegium for press complaints, mediaethical standard, situational ethics.

В ЭТОМ ГОДУ на официальном сайте российской Общественной коллегии по жалобам на прессу появилось несколько ненормативных (юридически) документов, регулирующих (претендующих на этот статус) одну из важнейших сторон профессиональной деятельности журналиста. Речь идет о профессиональной этике журналиста. К таким документам можно отнести «Рекомендации по защите частной жизни в СМИ», «Правила для журналистов «Эхо Москвы» по работе в социальных сетях», «Правила ведения блогов на сайте «Эхо Москвы» [1].

Особый интерес вызывает экспонирующийся в качестве проекта Медиаэтический стандарт—2015. Документ был введен совместным решением состава

Палат Коллегии второго и третьего созывов и позиционируется в качестве нормативно-ценностных ориентиров Общественной коллегии [2]. Уместным будет напоминание о том, что указанная структура осуществляет саморегулирование и сорегулирование в сфере массовой информации. Согласно уставу, одной из главных практических задач организации является внесудебное разрешение информационных споров, связанных с нарушением принципов и норм журналистской этики.

Функционально стандарт-2015 призван решать задачи защиты прав граждан в области СМИ, защиты права общества на информацию, защиты профессиональных прав и свобод журналиста в контексте укрепления самостоятельности редакций СМИ. Исходя из презюмированного доверия к российской журналистике, в документе фиксируется назревшая необходимость внесения поправок в существующие нормы и правила, регламентирующие профессионально-этическое поведение журналиста.

Структурно документ существенно отличается от предыдущих аналогичных спецификаций, в частности, российских профессиональных кодексов журналиста. Состоящий из восьми принципов, каждый из которых декларирует определенно значимую идею, разделяемую широкими слоями гражданского общества, профессиональный этический протокол включает в себя и так называемые индикаторы. Индикация содержит в себе, например, такие понятия, как: адекватность картины мира, отделение журналистики от всего, что ею не является, непредвзятость, сверка профессиональных ценностей с цивилизационными, репутационная составляющая и другое. Заключительный аккорд каждого из принципов — декларируемые

профессиональные нормы и правила, которые ито-го рекрутируются не менее чем в сорока нормативно-этических установлений.

Совокупность данных принципов условно можно разделить на две группы. В одну из них входят максимы, отсылающие к грани общезначимых ценностей, что может рассматриваться, собственно, как аксиологическая сторона деятельности журналиста. Такой упрощенческий подход позволяет отнести к этой группе принципы обеспечения права граждан на информацию, уважение частной жизни и человеческого достоинства, уважение и защита многообразия культур, защита права на свободу слова.

Вторая группа принципов имманентна для самого журналистского сообщества. Деонтологический аспект в этой группе является превалирующим: профессиональная и социальная ответственность журналиста, добросовестное освещение событий — долг журналиста, профессиональная честность журналиста.

Необходимо отметить, что более детальное рассмотрение заявленных принципов в их суммации, с учетом их интерпретации в той части, которую условно можно назвать фабулой, позволяет сделать вывод о том, что все они, без исключения, сосредоточены на нормативно-этическом регулировании деятельности журналиста.

Теперь что касается ситуационной этики. Понимая различительные тонкости в понятиях «этика обстоятельств», «этика ситуации» и «ситуативная этика», указанные словообразования, для удобства, в статье будут использоваться как синонимичные.

Одним из первых, кто ввел данное понятие в научный оборот, является Джозеф Флетчер, издавший в 1966 г. книгу «Ситуативная этика. Новая нравственность» [3]. Согласно предложенной концепции, у человека существует всего три подхода к принятию морального решения, а именно: легалистский, антиномианский, ситуативный.

В первом случае используется шаблон из набора правил и норм, имеющих юридическую или моральную природу. Легалист всегда и везде поступает только так, как велит закон; нормативное правило, например, всегда, во всех случаях говорить правду.

Своеобразным протестом на ограниченность такого подхода является антиномианский подход, когда индивид поступает так, как велит его разум, понимание ситуации и, можно сказать, абсолютная беспринципность в контексте отрицания любых правил и норм закона. Такой путь можно условно назвать анархистским.

И третий подход, помещенный Флетчером между легализмом и антиномизмом — ситуативная этика. «Ситуационист подходит к каждой ситуации, требующей решения, полностью вооружённым этическими максимами своего сообщества и его традициями, он относится к ним с уважением, как к маякам, направляющим его в его проблемах. И в той же мере он готов в любой

ситуации склонить их к компромиссу или отбросить их в данной ситуации, если любовь, как окажется, решит эту проблему лучше» [Там же].

В данной концепции требование любви (агапе по Флетчеру) является безусловным добром, все остальные моральные суждения не носят универсальный, категоричный характер. Подчеркивая, что такой подход имеет сразу несколько названий, а именно — ситуационизм, контекстуализм, окказионализм, циркумстанциализм (circumstantialism), актуализм, ученый считает, что ситуативные различия оказываются не менее важными, чем нормативные константы, и даже более: «обстоятельства меняют правила» [Там же]. Немного смягчая данное положение, можно сказать, что обстоятельства конфигурируют пространство принципов в зависимости от тех или иных обстоятельств.

В основании учения Флетчер фундирует четыре основных принципа (которые он называет рабочими принципами): прагматизм, релятивизм, позитивизм, персонализм. Прагматизм отвечает на вопрос «что есть добро?». Релятивизм «делает абсолютное относительным, но не абсолютизирует относительное» [Там же]. Позитивизм обосновывает положение о том, что моральный выбор может быть оправдан, но не доказан. И, наконец, персонализм обязывает в моральном выборе думать о людях, а не о приоритете принципов или законов. Данный подход характерен для восточной традиции в морали. Например, жители страны восходящего солнца не говорят «морально» или «не морально», а употребляют терминологию уместности или неуместности.

В этике такое направление, когда «центральной моральной проблемой считается выбор человеком решения в зависимости от конкретной ситуации (контекста)», часто именуют контекстуальной этикой [4].

Позитивные идеи, заложенные в ситуативной этике, заключаются в том, что принимая универсалии как есть, ситуационист более взвешенно принимает решения, руководствуясь положением о том, что моральные нормы (а вместе с ними и законнические) аутентичны только с учетом их контекстуальности. Этика обстоятельств расширяет пространство личной свободы, а вместе с ней и область персональной ответственности.

К выдержкам из текста, косвенно позиционирующим объективность принятия смысловых конструкций этики обстоятельств, можно отнести следующее.

Уже в преамбуле документа признается то обстоятельство, что журналист в современном мире не всегда может установить для себя надежные ориентиры в области профессионально признанного и одобряемого. В документе особо подчеркивается, что стандарт не рассматривает взаимоотношения журналиста с «нелинейными» субъектами массово-информационного пространства (блогерами и «новыми медиа»). В документе также фиксируется момент отсутствия «кодекса практики» и переадресация к другим источникам. Например, к «Нормам и принципам освещения

СМИ вопросов, касающихся детей» международной федерации журналистов, к «Принципам ЮНИСЕФ в отношении журналистских репортажей о детях», к британскому кодексу Практики 2004 г., к Рекомендациям CM/Rec(2017) Комитета Министров государств-членов о новом понятии СМИ и его Приложением «Критерии для идентификации СМИ и методологические принципы градуированного и дифференцированного подхода» [2].

Далее. В профессиональных нормах и правилах, заложенных в третьем принципе (добросовестное освещение событий) признается, что журналист не обязан при обращении к конфликтной ситуации оставаться нейтральным: «...редакция, так и отдельный журналист вольны занимать ту позицию, которая представляется им правильной, справедливой, соответствующей личным предпочтениям и/или общественному запросу». В четвертом принципе буквально сказано о том, что профессиональная честность «...предполагает обязанность и право журналиста свободно и без наступления каких-либо санкций отказаться от выполнения заданий, противоречащих его убеждениям и принципам» [Там же]. В пятом принципе (уважение частной жизни) вводится запрет на вмешательство журналиста в частную жизнь, однако тут же обговаривается, что исключением «являются случаи преобладающего общественного интереса» [Там же].

К факту, непосредственно сигнализирующему о наличии ситуативной этики в исследуемом документе, можно отнести следующее положение.

В тексте документа обнаруживается принцип, стоящий исключительно обособленно от других и выпадающий из той возможной классификации, в основании которой лежит деление на аксиологический или деонтологический признак. Это шестой принцип, задокументированный как «различение общественных интересов и общественного любопытства» [Там же].

Указанный принцип санкционирует возможность для журналиста «предпринимать осознанные, в том числе морально рискованные профессиональные усилия в ситуациях, допускающих (в случае острой необходимости и при обязательном подтверждении оправданности предпринятых усилий) исключения из конкретных ограничительных или даже запретительных положений журналистских кодексов» [Там же].

Индикатором в данном случае выступает обнаружение ситуации важной и критической как для общества, так и для профессии, требующей от журналиста отклонения от профессионального стандарта. Коллегия резервирует за понятием «общественный интерес» такие случаи, как обнаружение и раскрытие преступлений и серьезных проступков, защита общественного здоровья и безопасности, предотвращение заблуждений, возникающих у общественности в результате заявлений или действий отдельных лиц или организаций.

В заключение можно отметить, что лаконичность самого текста порождает ряд знаковых моментов, требующих своего разрешения или уточнений. К таким условиям, во-первых, нужно отнести местечковую матовость понятийного аппарата. Например, что может быть включено в такое понятие, как «серьезный проступок»? Где начинается та грань, которая маркирует серьезность? В самом документе понятие превалирует как данность, между тем оставляет достаточно широкое пространство для своей интерпретации. Во-вторых, создается впечатление, что большой объем отсылочной информации в самом документе в некоторой степени девальвирует заявленную матрицу профессионально-этических компетенций. Это требует дальнейшей работы над стандартом и более широкого, детального обсуждения его отдельных положений в медиасообществе.

Литература

1. Теория и практика. Документы [Электронный ресурс] / Общественная коллегия по жалобам на прессу. Режим доступа: <http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty>, свободный. — Загл. с экрана.
2. Медиаэтический стандарт — 2015 [Электронный ресурс] / Общественная коллегия по жалобам на прессу. Режим доступа: <http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015>, свободный. — Загл. с экрана.
3. Fletcher J. F. Situation Ethics: The New Morality. Westminster: John Knox Press, 1997 [Электронный ресурс] / Флетчер Дж. Ситуативная этика. Новая нравственность; пер. А. Круглова. Режим доступа — URL: <http://alkruglov.narod.ru/fletchercit.html>, свободный. — Загл. с экрана.
4. Контекстуальная этика [Электронный ресурс] / Словарь по этике; под ред. И. Кона. — М.: Политиздат, 1981. Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/522/word/kontekstualnaja-yetika>. — Загл. с экрана.